

Diskusija, polemika

Издание по археологии
пруссских древностей

Rec.: Скворцов К. Е., Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г., части I и II. Материалы охранных археологических исследований, том 15. Москва, 2010, Издательство ОАО «Тверская областная типография», 302 и 806 с., илл., 400 экз.

Рецензируемая 2-х томная монография является первой крупной работой сотрудника Калининградского областного историко-художественного музея Константина Николаевича Скворцова. Примечателен факт научного редактирования этой работы д. и. н. А. В. Мاستыковой, специалистом по древностям северо-западного Кавказа. Ранее одна из немногочисленных статей К. Н. Скворцова также была подвергнута серьёзной научной редакции проф. др. К. фон Карнап-Борнхайма и др. Фолькера Хильберга (v. Carnap-Bornheim, Hilberg, 2007, S. 111–114). Это редактирование было связано с тем, что один из авторов данной рецензии, будучи соавтором упомянутой публикации (правда, в титуле статьи, опубликованной в журнале “Offa” об этом не было сообщено) (Кулаков, 2010, с. 187) не дописал вводную часть статьи и не провёл финальное редактирование всего текста. Всё это произошло из-за того, что другой соавтор – К. Н. Скворцов – поспешил опубликовать статью под своей фамилией. Последнюю её правку пришлось проводить немецким археологам из Шлезвига.

За время своей работы начальником одного из отрядов Самбийской экспедиции ИА РАН (нач. А. Н. Хохлов) К. Н. Скворцов впервые получил возможность полностью опубликовать весь объём работ, выполненных его отрядом на раскапываемом памятнике. Этим памятником стал грунтовой могильник Stantau / Митино. Данная информация представлена в предисловии (с. 4, 5) к монографии, принадлежащем перу А. Н. Хохлова, обозначившего могильник Stantau / Митино как объект, давший «яркие материалы, имеющие важное значение для

изучения истории населения Самбийского полуострова в I – середине II тысячелетия н. э.» Читатель ожидает после этих слов представление в монографии развёрнутой картины древностей Самбии не менее чем за тысячелетие.

Во «Введении» (с. 6–10), располагающемся в начале первого, текстового тома монографии автор упоминает приуроченность раскопок грунтового могильника Stantau / Митино будущему строительству шоссе в данной части Гурьевского р-на Калининградской обл., указывает вскрытую на могильнике площадь – 10 500 кв. м и число обнаруженных в пределах раскопов объектов – 408. Их дата обозначена в пределах III–II вв. до н. э. – V–XIV вв. н. э. (с. 6). Далее автор, ссылаясь на «опыт спасательных археологических раскопок сотрудников INRAP» (Франция), аргументирует широкое применение экскаваторов с планировочным ковшом для снятия пахотного слоя и, очевидно, культурного слоя под ним (глубина вскрытия техникой в тексте не указывается) (с. 7). При этом К. Н. Скворцов ссылается на то, что, якобы, «конструктивные элементы могил» для могильников I–V вв. н. э. залегают на Самбии на глуб. 0,4 м и ниже (с. 7). Любому археологу, знакомому с полевой практикой в юго-восточной Балтии, ясна ошибочность этого более чем рискованного заявления. В русской и литовской полевой методике никоим образом не отмечено право археолога вторгаться тяжёлой землеройной техникой в культурные напластования памятника археологии и весом многотонной машины нарушать целостность комплексов, лежащих порой прямо под дёрном.

На с. 9 автор пытается внести свою лепту в терминологию археологических и этно-культурных формаций сер. I тысячел. н. э. в юго-восточной Балтии. Призывая читателя именовать средневековых носителей прусской культуры не пруссами, а «западными балтами», автор (скорее, научный редактор рецензируемой монографии), нарушая терминологическую традицию, сложившуюся на западной окраине балтского мира в XX в., максимально запутывает восприятие этно-культурной ситуации в регионе. При этом древности римского времени призываются традиционно именовать «самбийско-натангийской культурой» (явный анахронизм с позиций автора и редактора, выступающих против переноса исторических этнонимов и топонимов в эпоху до IX в.). На с. 190 говорится о «литовских образцах» находок применительно к V–VII вв., что совершенно неприемлемо с позиций самого автора. На фоне этой путаницы может вызвать лишь улыбку предложение именовать период кон. V – нач. VIII вв. в исторической Пруссии «меровингским временем» (сноска 4 на с. 8). Читателю не ясно, к какой археологической культуре относится могильник Stantau / Митино, которому посвящена рецензируемая монография. Совершенно непонятны основания и источники, использованные автором для датирования в абсолютных датах периодов D-F (с. 9, 10). Таким образом, уже во «Введении» видна глубокая некомпетентность автора в элементарных вопросах археологического исследования юго-восточной Балтии.

Глава I «Микрорегион поселения Митино...» (с. 11–15) содержит сведения о поздне-средневековой истории местности, в которой расположен могильник Stantau / Митино. Лингвистические и палеотопонимические студии автора, представленные здесь, выглядят как фантазии человека, слабо ориентирующегося в прусском языковом наследии и нуждаются в рассмотрении специалистами. Памятники археологии в округе могильника Stantau / Митино представлены исключительно по тексту Э. Холлака (Hollack, 1908) и не учитывают данные послевоенных археологических разведок, отражённые в первичной учётной документации на памятники археологии Гурьевского района. Глава завершается параграфом 2 «География и геоло-

гия», которым по логике должна была начинаться. Ни здесь, ни далее автор не объясняет читателю, почему в публикации представлены лишь 259 погребений V–XIV вв., а не все 408 объектов, вскрытые на могильнике раскопками 2008 г.

Описание погребального обряда представлено в Главе II, по недосмотру редактора начинающейся с повтора размышлений о микрогеографии участка вокруг могильника, уже представленных в Главе I. Рассуждения автора о принципах расположения могильника на местности показывают его незнание существующих в науке точек зрения по данному вопросу (Кулаков, 1990 а, с. 69–85). Уже на начальной стадии знакомства с текстом рецензируемой книги виден весьма незначительный по своему объёму опыт исследовательской работы К. Н. Скворцова. Это видно как в неверной форме цитирования архивных материалов (почему-то Скворцов, А-2004, а не Архив ИА РАН, Скворцов, 2004, № 25797), так и в неправильном представлении названий хрестоматийных памятников археологии Самбии (Гребиттен вместо Гребитен – с. 16). В обзоре литературы по проблемам погребального обряда пруссов автор показал в очередной раз незнание им литературы по этому вопросу, не приведя массу статей и книг, в которых изучается обрядность западных балтов в I тысячел. н. э. Поэтому читатель не может сравнить предложенную К. Н. Скворцовым типологию обряда пруссов с типологиями, предложенными другими исследователями, не узнает точки зрения автора на генезис форм обрядности и их семантическое значение. В противном случае было бы заметно отсутствие новизны в типологии обряда Stantau / Митино, что указывает на неоднократно упоминавшуюся в литературе стандартизацию прусского погребального обряда с V в. н. э., начала сложения прусской культуры, о которой, судя по тексту рецензируемой книги, автор не имеет никакого представления. Статистику параметров могил надо давать не по крайним точкам размеров, а показывать их в динамике, выявляя группы погребений с близкими значениями параметров (с. 18). Не понятно, почему автор называет погребения «объектами» (с. 16 и далее), ведь в его публикации части погребений могильника Lauth / Б. Исаково была применена сис-

тема наименований комплексов, предложенная ещё Г. Кемке в 1902 г. и применяемая в русской археологии Калининградской области (Кулаков, 2005 а, с. 125). Текст о погребальном обряде могильника Stantau / Митино не сопровождается иллюстрациями, что резко понижает его информативность. При всей хаотичности и малой информативности данная часть книги – серьёзный шаг назад даже по сравнению с теми типологиями погребального обряда пруссов, которые были опубликованы ещё в советское время (Jaskanis, 1974, s. 127–157; Кулаков, 1990 б, с. 20).

Отдельно от типов погребального обряда в книге представлено описание внутренней структуры могил (с. 22–24). Неинформированность опять подвела автора, ничего не знающего о деревянных конструкциях, открытых для эпохи викингов на могильниках Ирзекапинис и Кауп. Ссылаясь на достаточно устаревшую работу В. Новаковского о римском времени на Самбии (Nowakowski, 1996) применительно датировки появления конских захоронений у эстиев в сер. II в., К. Н. Скворцов не знает о том, что древнейшие могилы с остатками коней известны уже в I в. н. э. (могильник Schlakalken / Ярославское). Описывая конские захоронения на могильнике Stantau / Митино (с. 26–31), автор вновь выступает «первооткрывателем» (что характерно для современных исследователей древностей исторической Пруссии), не упоминая о существующих в науке вариантах типологии таких комплексов.

Завершает Главу II параграф «Гендерные и социальные признаки...», в котором автор попытался дать своё видение социальной значимости вскрытых им на могильнике Stantau / Митино погребений. Примечателен факт упоминания автором работы А. В. Мастыковой (ред. рецензируемой монографии), посвящённой палеосоциальным реконструкциям для обществ «варваров» Северного Кавказа» (с. 36), и незнания им работы по данным вопросам относительно эстиев и пруссов (Kurila, 2002, p. 122–136; Kurila, 2007, p. 97–106; Кулаков, 2005 б, с. 278–382).

Глава III (с. 37–178) посвящена типологическому анализу инвентаря, выявленного в погребениях могильника Stantau / Митино. Начиная с фибул, ав-

тор приводит краткие данные по литературе, посвящённой их типологии. К сожалению, здесь, как всегда, автор показывает своё незнание прусской археологии. Говоря о «необоснованности» датировок фибул в типологии В. И. Кулакова, автор не приводит изданную в Вильнюсе работу 1990 г. (Кулаков, 1990 в, с. 3–19), где на основе корреляции доказывалась хронология упомянутой системы. Типология, предложенная автором, не показывает генезис фибул с перекладинами на спинке. Логика в выделении их типов и вариантов (на самом деле это – подтипы) отсутствует. Например, мало заметна разница между типами I и IVA (рис. 3. 13). Рисунки типичных фибул (и всех остальных деталей типологии инвентаря) должны быть не схематизированы, как в монографии, а призваны отражать реальную находку. В этом случае читателю было видно допущение (если не сказать – передёргивание фактов) автора, ибо подавляющая часть фибул и прочего материала из Stantau / Митино имеет плохую сохранность, некомплектна и поэтому не может быть уверенно типологизирована. Относительно неплохо сохранились лишь 4 фибулы, что не может являться базой для типологических изысканий. Количество аналогий минимально (могильники Dollkeim / Коврово, Zophen / Суворово). Датировки поражают недостаточностью аргументации (с. 41). Вычисление мерных признаков фибул по типам отсутствует. Нет объяснения появления щитка на дужке фибул типа III (с. 48, 49), появившегося под влиянием традиций фибул со звёздчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska II. Противоречивые данные представлены о фибулах «куршского типа» (с. 63). Не понятно, или они «... на территории Пруссии не зафиксированы», или есть данные «... о находках в прусском ареале 42 <...> фибул...».

Пряжки и детали поясных наборов (с. 67–83) типологизируются без учёта общепризнанной в современной европейской науке схемы проф. др. Ренаты Мадиды-Легутко (Madyda-Legutko, 1986) и поэтому, избилуя ошибками (в частности, не выделены особо пряжки конского снаряжения) не формируют актуальной даже для одного могильника типологической схемы. Примечательно, что здесь, как и в других частях монографии, автор использует

карты Н. Оберга (рис. 42), будучи не в состоянии представить современное состояние изученности привлекаемого в книге материала в юго-восточной Балтии. В целом ясна базовая ошибка автора: находок V в., заявленных им в начале текста книги (с. 6), среди датированных фибул и пряжек нет.

На с. 86–115 представлены типологии различных деталей инвентаря погребений могильника Stantau / Митино, материалом которых являются металлы и камень. Эта часть монографии страдает теми же ошибками, что и предыдущие главы. В частности, ошибкой является упоминание вслед за В. Новаковским наличия «... браслетов с замком из двух крючков, известных на самбийских памятниках до середины V в.» (с. 87). В древностях эстиев известны лишь браслеты с крючком и петлей, в руки К. Н. Скворцова в упомянутом случае попал браслет с повреждённым замком.

Определение монеты № 984 (с. 114) не имеет автора. Мнение о ней К. Н. Скворцова, не являющегося нумизматом, не является дефиницией по данному вопросу. К тому же реверс монеты показан кверху ногами (рис. 114) и без масштаба. Впрочем, последнее замечание актуально для всех рисунков, относящихся к типологии К. Н. Скворцова, делая их неинформативными.

Параграф 3 «Посуда» (этот титул нечасто встретишь в археологической литературе) содержит прежде всего типологию лепных сосудов из могильника Stantau / Митино (с. 115–134). Как это стало привычно у автора, весь поток своей критики он обрушивает на работы В. И. Кулакова, в которых 20 лет тому назад была намечена типология прусской лепной керамики. Автор не поленился проработать хронологические таблицы в одной из монографий В. И. Кулакова (Кулаков, 1994), найдя в них несколько частных отклонений от типологической схемы местной керамики. Тем не менее, как поспешил отметить автор (или его научный редактор) «... созданная В. И. Кулаковым типология является достаточно противоречивой и трудноприменимой» (с. 116). В основу своей типологии местной керамики К. Н. Скворцов положил прежде всего соотношение отрезков высоты сосуда (с. 117). Сходные принципы были положены в основу типологизации керамики Э. А. Сымоновичем,

который сам признал в случае с черняховской керамикой условность таких типологических принципов (Сымонович, 1993, с. 141). Использование ошибочной методики привело к созданию типов сосудов, в ряде случаев мало отличающихся друг от друга (между типами I и II – разница лишь в оформлении закраины поддона – рис. 76, 77). Здесь и в других частях керамической типологии сказывается незнание автором принципов формовки глины и изготовления керамики (включая типы начинов) при дальнейшем её костровом обжиге. Экскурс о бронзовых блюдах, инспирированный находкой в раскопе 47 маленького обломка бронзового сосуда, выглядит беспомощным и не имеет никакого смысла в монографии (с. 135).

Немногочисленные предметы вооружения, обнаруженные в могилах Stantau / Митино, представлены на с. 136–145 в рамках типологий А. Н. Кирпичникова и В. Казакивичюса без учёта широкого спектра современной литературы по этому вопросу и представленных в ней вариантов типологий. То же самое можно сказать и о параграфе о конском снаряжении (в основном – кольчатые двухчастные удила) из публикуемого могильника. Единственным исключением являются две пластинчатые шпоры, типологизированные по системе, предложенной в 1921 г. Мартином Яном (с. 167, 168). К сожалению, автор не удержался от подтасовки фактов, говоря о находке в погр. 402 подвески, которая имела «тиснёное изображение птицы в центре» (с. 171). Как видим на табл. DCLXIX во втором томе монографии, от подвески сохранились лишь небольшие обломки её краёв, никакой птицы на рисунке не наблюдается.

В Главе IV показано видение К. Н. Скворцова хронологии раскопанных погребений могильника Stantau / Митино (с. 180–192). Очень смутно представляя себе историю изучения прусской археологической хронологии, автор упускает упоминание об авторстве «довоенной немецкой хронологии древностей Пруссии» (с. 180). Вслед за варшавскими археологами К. Н. Скворцов делает базовую ошибку, не замечая появления к сер. V в. н. э. прусской археологической культуры (с. 181). Как повелось у К. Н. Скворцова, в хронологическом разделе он подвергает ничем не обоснованной критике публи-

кации В. И. Кулакова, заявляя, что «... хронологические заключения автора интуитивны...» (с. 182). На самом деле выводы самого К. Н. Скворцова более чем спорны. Единственным предметом из его раскопок, который может частично датироваться V в., является янтарная бусина типа *Bassonia* (рис. 174, 10). Самая поздняя фибула в схеме К. Н. Скворцова – вар. V.a – никак не может датироваться временем позже нач. VIII в. Таким образом, в отличие от декларации автора, раскопанная часть могильника *Stantau / Митино* датируется довольно узким отрезком времени – VI – рубеж VII/VIII вв. Выделение хронологических (возможно – поло-возрастных, социальных и проч.) групп погребений на могильнике не подкреплено анализом их планиграфических особенностей. Определения типа «... тордированный браслет типа 2.1 раннего времени...» для научной публикации неприемлимы.

В Главе V под титулом «Эволюция некрополя» (с. 189–192) автор не всегда удачно пытается показать динамику изменения погребений на вскрытой им части могильника *Stantau / Митино* на протяжении VI–VIII вв.

На с. 193–198 представлено «Заключение», в котором делается попытка реконструировать некоторые исторические события, происходившие на западной окраине балтского мира в середине I тысячел. н. э. При этом автор не удосуживается понять то, что исследованный могильник является вполне рядовым (если не заштатным) памятником археологии пруссов. Раскопанные здесь 259 погребений V–XIV вв. явно не составляют статистически оправданную выборку для выдвижения каких-либо выводов для всей прусской культуры. Представлено заявление о сохранении балтского континуитета в юго-восточной Балтии на всём протяжении первой пол. I тысячел. н. э. (с. 195). Данный пассаж показывает слабое знание автором и его научным редактором реалий археологии эстиев и пруссов. Бездоказательным выглядит тезис об использовании пруссами украшений более раннего исторического периода ввиду «отсутствия притока цветных металлов» (с. 196). Обилие металлических находок в могилах противоречит этому неграмотному выводу. В целом же проведённая без учёта данных поселенческой археологии, только по данным отдельных работ-синтезов археологов прошлых десятилетий К. Годловского

и Е. Окулича-Козарына данная часть монографии выглядит экскурсом, никак не связанным с предыдущим публикационным текстом и представляет лишь библиографический интерес.

В Приложении I М. В. Добровольская представляет результаты анализа антропологического материала из могильника *Stantau / Митино*. Вызывает интерес тезис о помещении в могилу лишь части кремированных останков, что характерно для большинства могильников I тысячел. в юго-восточной Балтии и давно отмечено в полевых отчётах Балтийской экспедиции ИА РАН.

В Приложении II дан весьма краткий очерк древностям раннего железного века, вскрытых на территории, занятой могильников *Stantau / Митино*. К сожалению, для 133 комплексов у автора монографии хватило сил уделить им лишь 3 страницы в монографии (с. 218–220). Поговорка «Краткость – сестра таланта» здесь неприменима, такое отношение к материалу ещё раз указывает на вызывающую некомпетентность К. Н. Скворцова.

На с. 221–236 представлено Приложение III «История изучения могильников V–XIV вв. в северной части Восточной Пруссии». Этот текст представляет собой очерк прусской полевой археологии на примере хода раскопок на базовых памятниках археологии нынешней Калининградской обл. Основой данной работы явилась хрестоматийная монография Э. Холлака (Hollack, 1908), привлечена информация о послевоенных раскопках, уже неоднократно издававшаяся (Кулаков, 2005 в, с. 6–17; он же, 2006, с. 39–55). Данный текст походит на вводную историографическую часть к документации, представляемой заказчиком археологических работ на новостройках, коей, очевидно, и является. Наличие данного текста в публикации одного археологического памятника ничем не обусловлено. Объяснение может быть неожиданным: увеличение объёма монографии для придания солидности рецензируемой монографии. Той же цели служат многочисленные, отпечатанные на мелованной бумаге и совершенно неинформативные графики и гистограммы в конце 1-го тома, карты с распределением на территории могильника находок разных категорий, не представляющие никакого практического интереса (например – карта распределения погребений с различными пряжками на рис. 37).

Неоправдан и большой объём тома 2, включающего описание комплексов (в этом тексте нет сносок, указаний на типы находок и аргументов даты погребений) и рисунки инвентаря. Даются прорисовки даже стенок лепных сосудов, не содержащие никакой полезной информации. Чертежи заполнены бесчисленными и нечитаемыми сокращениями, профили оторваны от планов, ввиду чего их нельзя совместить. На рисунках находки даны в масштабе 1:1, что при наличии большого количества окислов на находках не имеет никакого смысла для передачи подробной информации о находках.

В завершении следует упомянуть далеко не бесспорные права автора монографии на прове-

дение раскопок могильника Stantau / Митино и, соответственно, на написание этой книги. Дело в том, что завершив в 2004 г. раскопки могильника Lauth / Б. Исаково, К. Н. Скворцов не полностью отчитался за раскопанные погребения и не сдал в государственное музейное хранение ок. 100 погребальных вещевых комплексов. Лишь в январе 2011 г. он подготовил отчёт об этих раскопках (Скворцов, № 00898), к 1 мая 2011 г. так и не поступивший в Архив ИА РАН. Из этого следует очевидный факт: К. Н. Скворцов получил Открытый лист на раскопки могильника Stantau / Митино в обход существующих норм проведения археологических исследований.

В. И. Кулаков, А. Б. Лухманас

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Скворцов К. Н. (Отчёт о работах) в г. Калининграде (на участке строительства коллектора от ул. Партизанс-

кой до ул. Горького) и могильника Лаут-Большое Исаково в Гурьевском районе в 2005 г., № 00898.

ЛИТЕРАТУРА

Carnap-Bornheim C., Hilberg V., 2007. Einleitung. In: Skworzov K., *Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoje Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg)*. Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999. Offa, Bd. 61/62, 2004/2005, S. 111–219.

Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Glogau–Berlin.

Jaskanis J., 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I–V w. n. e.). Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.

Kurila L., Vaiko statusas Rytų Lietuvoje geležies amžiuje. In: *Archaeologia Lituana*, 8. Vilnius, p. 97–116.

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg–Warszawa.

Кулаков В. И., 1990 а. Поселенческая ситуация в Самбии II–XIII вв. In: *Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект)*. Москва.

Кулаков В. И., 1990 б. Древности пруссов VI–XIII вв. Свод археологических источников, вып. Г1-9. Москва.

Кулаков В. И., 1990 в. Хронология пруссов VI–XIII вв.

(по материалам могильника Суворово). In: *Istorija*, 31. Vilnius.

Кулаков В. И., 1994. Древности пруссов V–XIII вв. Москва.

Кулаков В. И., 2005 а. Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского Музея (Майнц). In: *Российская археология*, № 3.

Кулаков В. И., 2005 б. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–VI вв. н. э. In: STRATUM plus „Mezdu revkinami i fennami“? # 4. Санкт-Петербург–Кишинёв–Одесса–Бухарест, 2003–2004.

Кулаков В. И., 2005 в. Памятники археологии Калининградской области. In: *Памятники истории и культуры. Калининградская область*, 2. Москва, с. 6–17.

Кулаков В. И., 2006. Историческая география юго-восточной Балтии. Часть I. In: *Slavia Antiqua*, XLVI, 2005, с. 39–55.

Кулаков В. И., 2010. Rec.: Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Сборник материалов. Калининград: Янтарный сказ, 2008, 237 с., илл. 500 экз. In: *Российская археология*, № 1, 2010.

Kurila L., 2002. Socialinių santykių atspindžiai Rytų Lietuvos pilkapių degintinių kapų medžiagoje. In: *Archaeologia Lituana*, 3. Vilnius, p. 122–136.

Сымонович Э. А., 1993. Черняховская культура. Керамика. In: *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н.э.* Москва.